

ПЕДАГОГИКА

Осовский Олег Ефимович

д-р филол. наук, профессор

ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный

университет им. Н. П. Огарева»

г. Саранск, Республика Мордовия

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ В ИМПЕРСКОЙ ПАРАДИГМЕ ОБРАЗОВАНИЯ: К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

***Аннотация:** в статье рассматривается формирование имперской парадигмы образования на примере школьной политики Австрийской и Российской империй в XVIII – начале XX в. по отношению к финно-угорским народам; предложена модель «центр – периферия» для конкретного историко-педагогического исследования.*

***Ключевые слова:** имперская парадигма образования, модель «центр – периферия», национальная школа, финно-угорские народы, теория инородческого образования.*

Как известно, парадигмальный подход в самом широком понимании этого термина истории и методологии науки [см.: 1; 18; 24-26], идея «диалога культур», прозвучавшая в работах М.М. Бахтина и его круга [см.: 22; 27; 29] и получившая дальнейшее развитие в концепции «взаимопонимания культур и культуры взаимопонимания» [17] стали определяющими в современных гуманитарных исследованиях в России и за рубежом [21; 28]. По верному наблюдению известного историка отечественной и европейской философии XIX-XX вв. В.Л. Махлина, именно сменой конкретных парадигм определяется характер эволюции интеллектуального сознания на протяжении последних столетий [см.: 19]. История России, ее культуры и образования пространства может быть описана при помощи парадигм, ключевой из которых для XVIII – начала XX в. будет имперская [см.: 2; 23; 31; 34; 35].

О начале формирования имперской парадигмы и порождаемого ею имперского дискурса в российской идеологии и философско-религиозном сознании России подробно и убедительно в 1920-30-х гг. писали мыслители современной России и российского зарубежья.

Оценивая опыт истории российского образования в контексте общих тенденций эволюции европейской школы в новое и новейшее время, сопоставим особенности реализации имперской парадигмы образования на примере Российской и Австрийской (Австро-Венгерской) империй. При этом укажем на их очевидные различия (евразийская / европейская, православная / католическая, аграрная / аграрно-промышленная, ограничение / расширение национальных автономий и др.) и сходства (полиэтничность, множественность языков и культур, приоритет светских ценностей над религиозными, просвещенный абсолютизм как форма правления и др.). Особый интерес представляет определение соотношения центра и периферии как ключевого принципа реализации имперской парадигмы в сфере образования.

Необходимость осуществления централизованной школьной политики – один из важнейших элементов государственной идеологии имперского типа [см.: 34; 35]. Примечательно, что в Российской империи он осознается даже раньше, чем в Австрийской: реформирование системы образования в России связано с периодами радикального переустройства в эпоху Петра I и Екатерины II, а в Австрийской империи – с просветительскими реформами Марии-Терезии и Иосифа II. Еще одним аргументом в пользу сопоставления Российской и Австрийской империй выступает присутствие на их территориях финно-угорских народов. Именно анализ судеб венгерской школы в Австрии и просвещение финно-угорских народов в России позволяет наглядно проследить движение от центра к периферии и предположить наличие определенной образовательной модели, характерной для каждой из империй.

Нет сомнений, что история венгерской школы, тесно связанная с судьбой венгерского государства, которое проделало путь от утраты своей независимости

и сохранения относительной автономии в составе Австрийской империи, заметно отличается от истории образования финно-угорских народов России. Венгерская школа возникает в форме соборных, позднее приходских школ в эпоху средневековья и достаточно долго сохраняет религиозный характер, в немалой степени благодаря активной деятельности на территории Венгерского королевства католической церкви, в том числе ордена иезуитов [см.: 3]. Постепенное возникновение образовательных учреждений светского характера вполне укладывается в европейскую модель развития образования в период нового времени. Иные проблемы возникают с вхождением венгерских земель в состав Австрийской империи, в которой венгры, как и другие национальные меньшинства, на долгое время оказываются на периферии государственной школьной политики, вплоть до того, что венгерский язык в отличие от немецкого не являлся обязательным к изучению предметом на территориях с венгерским населением. Заметное изменение в национальной и образовательной политике Австро-Венгерской империи связано с очевидным ослаблением власти Габсбургов к середине XIX в., процессом роста национального самосознания и усилением влияния регионов [см.: 15; 16]. Вторая половина XIX – начало XX в. отмечены формированием национальной венгерской школы, получающей свое окончательное развитие в условиях независимой Венгрии.

В Российской империи судьбы конкретных финно-угорских народов складывались в полном соответствии с тем, когда эти народы вошли в состав государства. Относительная автономность финнов и эстонцев определялась достаточно поздним их присоединением к империи, европейским характером уже сложившихся в этих регионах социальных, культурных и образовательных институций, что получило отражение в соответствующих разделах российского законодательства. Здесь примечательно, что, оставаясь на имперской периферии, эти народы сохраняли относительную независимость школы. По-иному складывалась ситуация с финно-угорскими племенами на территории все более расширяющегося на восток Русского государства. Бурные процессы на пути «от Руси к России» (Л.Н. Гумилев) вовлекали в орбиту кардинальных изменений, выбора

сторон и религии мариЙцев, мордву, удмуртов и др. Существующая угроза их исламизации («магометанского» фактора) изначально придавала процессу тотальной христианизации и русификации статус дела особой государственной важности. Не случайно первые проекты создания школ для поволжских финно-угров появляются еще в Петровскую эпоху [см.: 12; 13]. Создание государственной системы их начального образования приходится на царствование Екатерины II, с которого, как убедительно показала в своих исследованиях В.П. Киржаева, в Российской империи формируется и развивается целостная система инородческого образования, нацеленная прежде всего на обучение народов Поволжья и Приуралья [6; 9; 14]. Теоретические основы инородческого обучения и воспитания, прежде всего преподавания русского языка (с первоначальной опорой на «материнский» язык) будут разработаны выдающимся русским просветителем Н.И. Ильминским и получат дальнейшее развитие в трудах его учеников [см.: 5; 7; 11; 10; 20]. Установка на формирование из инородца в процессе его обучения и воспитания верноподданного христианина будет сохраняться в практике школьного обучения вплоть до 1917 г. Использование в школе родного языка будет ограничено лишь этапом первоначального обучения – именно в этом состоит принципиальная разница школьной политики Австро-Венгерской империи на последнем этапе ее существования и империи Российской. Если в ситуации венгерской школы ее пребывание на периферии позволяло сохранять и развивать во второй половине XIX – начале XX в. национальную и культурную идентичность, то в российской ситуации подобный вопрос даже не ставился, а его обозначение в заявленных реформах начала XX в [см.: 4; 8] на практике реализованы не были, оставаясь достоянием финской и эстонской периферии.

Примечательно, что соотношение центр – периферия реализует себя и в ситуации российского зарубежья: центром российской зарубежной школы и педагогической мысли становится Прага, где в 1920 – начале 30-х гг. сосредоточены основные интеллектуальные силы и институты русского образования в эмиграции, а не Париж и иные города русского рассеяния, которые пребывают в статусе «образовательной периферии» [30; 32; 33].

Научные исследования: от теории к практике

Список литературы

1. Богуславский М.В. О педагогических парадигмах / М.В. Богуславский, Г.Б. Корнетов // Магистр. – 1992. – Май. – С.16-17.
2. Ганц Н.А. Школьная система Александра I / Н.А. Ганц // Русская школа за рубежом. – 1927. – №24. – С. 669-684.
3. Гомоннай В.В. Народное образование в Венгрии / В.В. Гомоннай. – М.: Педагогика, 1972. – 224 с.
4. Киржаева В.П. Игнатьевская школьная реформа в русском зарубежье (на материале программ по русской словесности 1920-х годов) / В.П. Киржаева // Нижегородское образование. – 2013. – №1. – С. 202-207.
5. Киржаева В.П. Казанская учительская семинария в политико-правовом и культурно-образовательном контексте эпохи / В.П. Киржаева // Интеграция образования. – 2003. – №2. – С. 112-120.
6. Киржаева, В.П. Мордовско-русское двуязычие в контексте инородческого образования во второй половине XIX века / В.П. Киржаева // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 557.
7. Киржаева В.П. Начальное образование инородцев во второй половине XIX века: эволюция взглядов Н.И. Ильминского / В.П. Киржаева // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Матер. II Всеросс. конф. финно-угроведов. – Саранск: Б. и., 2000. – С.154-158.
8. Киржаева В.П. Обсуждение программ по русскому языку в педагогических дискуссиях русской эмиграции 1920-х гг. / В.П. Киржаева // Интеграция образования. – 2009. – №1. – С. 26-29.
9. Киржаева В.П. Обучение русскому языку мордвы во второй половине XVIII – начале XX века: политико-правовые, социокультурные и лингвокультурные аспекты / В.П. Киржаева. – Саранск: Б. и., 2005. – 416 с.

10. Киржаева В.П. Петр Афанасьев – выпускник Казанской учительской семинарии из мордвы / В.П. Киржаева // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – №2. – С. 27-29.

11. Киржаева В.П. Принципы обучения русскому языку в мордовской школе: Учет особенностей родного языка / В.П. Киржаева. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. – 120 с.

12. Киржаева В. П. Проекты просвещения нерусских народов Поволжья в контексте истории инородческого образования России XVIII – начала XIX в. / В.П. Киржаева // Регионоведение. – 2004. – №2 (47). – С. 293-301.

13. Киржаева В.П. Просвещение нерусских народов Поволжья и Приуралья в первой половине 18 – начале 19 века / В.П. Киржаева // Педагогика. – 2005. – №1. – С. 63-71.

14. Киржаева В.П. Родной язык как средство обучения мордвы русскому языку: становление лингводидактического принципа в инородческом образовании второй половины XVIII – начала XIX в. / В.П. Киржаева // Интеграция образования. – 2005. – №3. – С. 200-205.

15. Комлева Ю.Е. Габсбургская школьная политика как способ формирования общегосударственной идентичности в Австро-Венгрии / Ю.Е. Комлева // Известия Уральского федерального университета. – 2014. – №1 (124). – С. 106-125.

16. Комлева Ю.Е. Изъяны габсбургской политики идентичности: «Книги для чтения» в италоязычных школах Триеста / Ю.Е. Комлева // Известия Уральского федерального университета. – 2015. – №1 (136). – С. 144-156.

17. Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: в 2-х ч. / ред.: Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Ч. 1. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2004. – 218 с.

18. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 608 с.

19. Махлин В.Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии / В.Л. Махлин. – М.: Знак, 2009. – 632 с.

20. Осовский Е.Г. Избранные педагогические сочинения / Е.Г. Осовский. – Саранск: Б. и., 2005. – 279 с.
21. Осовский О.Е. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1996-2012: рецензия / О.Е. Осовский // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2015. – №2. – С.61-67.
22. Осовский О.Е. В зеркале «другого»: рецепция научного наследия М.М. Бахтина в англо-американском литературоведении 1960 – середины 1990-х годов / О.Е. Осовский. – Саранск: Б. и., 2003. – 147 с.
23. Осовский О.Е. Имперская и постимперская парадигма в идеологии российского образования XVIII – первой трети XX века (к постановке проблемы) / О.Е. Осовский // Академический журнал Западной Сибири. – 2014. – №4. – С. 96-97.
24. Осовский О.Е. История подвижничества и реформаторства в российском образовании / О.Е. Осовский // Интеграция образования. – 2006. – №3. – С. 180-182.
25. Осовский О.Е. Малоизвестная рецензия Джона Дьюи / О.Е. Осовский // Гуманитарные науки и образование. – 2010. – №3. – С. 26 – 30.
26. Осовский О.Е. Методология и технологии образования на современном этапе: потенциал, реальные возможности и новые горизонты / О.Е. Осовский // Интеграция образования. – 2009. – №2. – С. 120-122.
27. Осовский О.Е. Человек. Слово. Роман / О.Е. Осовский. – Саранск: РИК «ТРИО», 1993. – 144 с.
28. Осовский О.Е. Dialogues with Bakhtinian Theory: Proceedings of the Thirteenth Mikhail Bakhtin International Conference / Ed. by M. Polyuha, C. Thomson, A. Wall. London, Ontario: Mestengo Press, 2012. 437 p.: рецензия / О.Е. Осовский // Вопросы литературы. – 2015. – №1. – С. 390-393.
29. Осовский О.Е. The Bakhtin Circle. In the Master's Absence: рецензия / О.Е. Осовский // Вопросы литературы. – 2005. – №4. – С. 368-369.

30. Очерки истории образования и педагогической мысли Российского За-
рубежья: (20-50-е гг. XX в.) / отв. ред. О.Е. Осовский. – Саранск: Б. и., 2000. –
194 с.
31. Шишков В.В. Имперская парадигма: испытание модернизацией и наци-
онализмом / В.В. Шишков // Вестник Пермского университета. Серия: Полито-
логия. – 2013. – №1. – С. 92-101.
32. Школа образование и педагогическая мысль русской эмиграции: мате-
риалы к энциклопедии. Вып. 1 / отв. ред. О.Е. Осовский. – Саранск: Изд-во Мор-
дов. ун-та, 2009. – 248 с.
33. Школа образование и педагогическая мысль русской эмиграции: мате-
риалы к энциклопедии. Вып. 2 / отв. ред. О.Е. Осовский В.П. Киржаева. – Са-
ранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 221 с.
34. Hans N. History of Russian Educational policy. 1701-1917 (1931) / N. Hans. –
London: Russell & Russell, 1964. – 255 p.
35. Hans N. Educational policy in Soviet Russia / N. Hans, S. Hessen. -London:
P.S. King & Son, 1930. – 260 p.